

Б.М.Фирсов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ВЛАСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ

ФИРСОВ Борис Максимович — доктор философских наук, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Исторический контекст развития России побуждает искать постоянные сопряжения и оппозиции двух терминов: интеллектуалы и интеллигенция. Только в обыденной речи они близки по смыслу. Массовое сознание, как правило, ставит здесь знак равенства. Для него интеллектуалы и интеллигенция — прежде всего люди с достаточно высоким образованием, не лишённые к тому же творческого дара. Однако научное сознание не считает эти термины тождественными. Понятие "интеллигент" связывается не столько с местом в социальной структуре (с принадлежностью к образованному классу), сколько с известной социальной ролью. Так уж сложилось, что быть интеллигентом означает выполнять определенную историческую миссию, выступать нравственным образцом для других членов общества, участвовать в просвещении народа. "Всегда считалось, что хотя у интеллигенции нет своего устава, у нее есть некий неписанный кодекс чести, свои нравственные правила, которые она не может перейти ни при каких условиях: не лгать, не предавать, не интриговать, ни в ком не оскорблять человеческого достоинства, уважать чужую свободу как свою, не сотрудничать ни с палачами, ни с помощниками палачей" [1].

Интеллигент — человек высокой идеи, посвятивший себя заботам об общем благе, служению правде, истине, справедливости. Существует давняя традиция считать интеллигенцию исключительно русским феноменом. Макс Вебер писал на заре века, что данное понятие неприемлемо в западных странах, "это — ситуация в самой России" [2]. Однако XX век показал, что представление об исключительно русской природе интеллигенции неверно, ее феномен присущ всем модернизирующимся обществам, связан с определенным, концентрированным мировосприятием, поскольку интеллигенция выступает в роли важного фактора модернизации [3]. Более определенно: интеллигенция может и должна считаться идеологическим ресурсом модернизации для преодоления сопротивления реформам, которые осуществляются в рамках модернизации. Историческое время интеллигенции конечно — оно ограничено периодом, в течение которого актуализируются потребности реформирования недемократического государства и общества. В этот период действует специфический "Закон сохранения интеллигентности" [4], проявляющийся в том, что интеллигенция выделяется из образованного сословия и добровольно принимает на себя роль наставника, поводыря "незрелого" народа, учителя жизни. Как показывает история, в эти периоды интеллигенция начинает участвовать в деятельности властных структур, поскольку пробуждение властных амбиций в подобных случаях является неизбежным.

Переход к рынку и демократии отменяет необходимость "учить народ" и вести его за собой. Отменяется нужда в высокой политической ангажированности интеллигенции (когда она берется за конструирование утопий и навязывает свое видение мира). Эта ангажированность свидетельствует одновременно о слабости государства, не способного в переломные периоды своей истории эффективно решать задачи общественного развития.

Есть более критическая точка зрения, согласно которой фактическое существование интеллигенции ограничено рамками периода, начинающегося в 60-е годы XIX века и заканчивающегося в 20-е годы XX века. В этот период имели место взлет интеллигенции, ее раскол по идейным основаниям в преддверии Октябрьской революции, подготовка к уничтожению интеллигенции после прихода к власти большевиков.

Реальный период сменился фантомным, когда интеллигенцию заменил гонимый властью дух [5]. В таком рассуждении нет мистики, если принять во внимание, что фактический выбор, предложенный интеллигенции советской властью, был ограниченным. Наиболее вероятными вариантами этого выбора оказались физическая гибель, репрессии, вынужденная эмиграция. Альтернативы для меньшинства, которому удалось избежать трагической участи, были немногочисленными.

Одна из таких альтернатив, которую вынужденно приняли российские интеллигенты, состояла в получении статуса государственных служащих, что делало их (и шире — образованные слои общества) частью государственной бюрократии. Этатизация, или огосударствление, была всеобщей и распространилась на всю интеллигенцию — научно-техническую, творческую, художественную. Фактически каждый интеллигент стал чиновником, то есть принадлежал к сфере социальных отношений, где любой вид деятельности был одновременно и прежде всего государственной службой. Кроме государства в лице его институтов, других работодателей не было, и даже занятия так называемыми свободными профессиями требовали актов государственного признания и регистрации. Статистика свидетельствует, что если до революции на "государевой службе" состояло менее четверти всех интеллектуалов России, то в первые годы после нее подавляющее большинство ("кто не работает, тот не ест!"), а к концу 20-х годов до 100%. Разные грани процесса этатизации интеллигенции можно проследить на примере Академии наук, которая в считанные годы попала в тотальную финансовую и политическую зависимость от государства, утратив если не все, то подавляющее большинство академических свобод, в том числе главную — свободу творчества. Содержание ее деятельности во многом отвечало функциям Министерства науки. Творчество и интеллектуализм могли в таких условиях развиваться только в "разрешенных" партией и государством направлениях. Аналогичным образом сложилась и судьба творческих союзов — писателей, художников, композиторов. Уже перед Отечественной войной они были интегрированы в громоздкую машину коммунистической пропаганды и стали служить целям воспитания народа. Общеизвестное высказывание Сталина, назвавшего писателей "инженерами человеческих душ", лишено комплиментарного смысла. Оно точно выражает стремление государства к установлению контроля над человеком с помощью законопослушного искусства (культуры, науки, институтов образования).

Итак, в условиях России конца XIX — начала XX веков интеллигенция заявила о себе как о специфическом слое общества, который выполнял двойную функцию, выступал в роли социального критика и олицетворял совесть общества. Здесь полезно вспомнить емкие слова А.Солженицына, определившего интеллигенцию как ядро нации (народа), "воспитанное не столько в библиотеках, сколько в душевных испытаниях" [6]. Этатизация наложила запрет на эту функцию. Служебным долгом интеллигентов, зачисленных на государственное содержание, стало воспевание советской действительности.

Здесь следует поставить более общий вопрос о нормах и формулах отношения советского государства к слою населения, который выделяется не по координатам социальной структуры, а по критериям способности к более сложной (умственной) деятельности [7]. Этот слой, который является питательной средой, почвой произрастания интеллектуалов и интеллигенции, элитарен по своей природе. А priori его образует меньшинство, способное делать то, что недоступно большинству. В таком качестве интеллектуальный слой не может не быть непримиримым антагонистом "простому советскому человеку", чей культ составлял основу советской идеологии, отрицавшей не только возможность каких бы то ни было проявлений элитарности, но и само понятие элиты как чуждое государству и обществу всеобщего равенства и братства. Коммунистическая доктрина не видела перспектив для интеллектуального слоя, поскольку в основание советской системы закладывалась идеологема (вернее сказать, мифологема) социальной однородности. Партийный лозунг состоял в том, чтобы

превратить всех людей в интеллигентов. При этом отрицалась особость, специфика и необходимость поддержки слоя-носителя культуры, от которого в реальности зависел прогресс страны и ее место в общецивилизационном процессе.

Не прибегая к детальным иллюстрациям, скажем, что парадигма социальной однородности опиралась на ряд механизмов ее реализации. Один из них — избыточное, демпинговое производство интеллектуального слоя, лишённого, однако, претензий на элитарность. Связанные с этим "большие скачки" начались в 30-е годы (форсированный набор студентов пролетарского происхождения, открытие рабочих факультетов, массовые назначения на должности, требующие высокопрофессионального образования, так называемых выдвиженцев, гипертрофированный рост высших учебных заведений на периферии страны и др.). Я бы рискнул предложить термин для обозначения этого процесса: "десакрализация интеллектуальных профессий и интеллектуального труда". Итогом "больших скачков" явилось сначала усреднение, а затем падение стандарта высшего и среднего образования, лишение его гуманитарной основы, сокращение удельного веса академических форм обучения (в пользу торжествующей прагматики). Если наложить на этот процесс искусственного насаждения "партийных дисциплин" и изгнания из стен вузов предметов, формирующих и определяющих уровень культуры, то можно говорить о сознательном устремлении государства и партии к условиям, которые в конечном счете приводили бы к деградации интеллектуального слоя. Ведь ему, согласно доктрине социальной однородности, предстояло неотвратимое слияние с рабочим классом и крестьянством.

Насильственному установлению социальной однородности помогала и система оплаты интеллектуального труда. Последние исследования в этой области позволяют рассмотреть проблему в исторической динамике [7, с.155-157]. В условиях царской России материальное обеспечение интеллектуального слоя было удовлетворительным (по данным 1913 года), и главное отражало высокий социальный статус интеллектуальных профессий и занятий: при среднем заработке российского рабочего 265 рублей в год заработок людей, относимых к интеллигенции, составлял 1058 рублей (для инженеров он был выше — 1426 рублей). В двадцатые годы произошел перелом: средняя заработная плата интеллектуалов сравнялась с заработками рабочих, а для многих профессий стала ниже. Последовавшая затем интенсивная пролетаризация интеллектуалов завершила процесс их относительного и абсолютного обнищания (уровень материального благосостояния интеллектуального слоя в бывшем СССР уменьшился в десять раз в сопоставлении с дореволюционным временем).

Данный тренд сохранился и в период реформ. Зарботная плата ученых, инженеров, представителей творческих профессий, занятых в государственном секторе экономики, культуры и образования, уступает заработной плате рабочих. Государство по-прежнему ценит физический труд выше интеллектуального, делая исключение лишь для служащих государственного аппарата. Бюрократия устраняется от выращивания элит. Не случайно поэтому, что многие институты власти по-прежнему формируются по признакам политическим. Личные дарования и интеллектуальные способности учитываются во вторую очередь. В частном секторе оплата интеллектуального труда более адекватна, но участием в малом и среднем бизнесе, новых консалтинговых и юридических фирмах, внешнеэкономических службах, банковском и страховом деле, в разработке программ политических партий и движений, стратегий национализма и сепаратизма интеллектуалы выталкиваются в такие сферы жизнедеятельности, где, скорее, амортизируются результаты науки, чем создается новое знание.

Но все же с одной частью интеллигенции власть вела себя более осмотрительно. Речь о политике в отношении культурных, научно-образовательных, технических элит. Их представители также числились по разным государственным ведомствам, подчиняясь общим для всех жителей страны регламентам, связанным с ограничением индивидуальной свободы. Однако, понижая относительный уровень материального благосостояния

образованных слоев, государство старалось перераспределить какое-то количество средств в пользу элит. Правда, и здесь целью поддержки была не столько забота о статусе элит, сколько стремление добиться законопослушания путем присуждения Сталинских и Государственных премий, введения хитроумной системы льгот и поощрений, улучшенного материального снабжения. Например, члены Академии наук (независимо от места работы) получали от государства пожизненную ренту и пользовались рядом привилегий: специальным медицинским и санаторно-курортным обслуживанием, льготами при распределении дефицитных товаров (в частности, личных автомобилей), специальными продуктовыми пайками. При этом действовала жесткая иерархия, когда доктора наук лечились в одной поликлинике, а кандидаты в другой и т.п. [8]. Конечно, это должно вызывать чувство иронии. Но таким образом была построена советская система, которая иначе действовать не умела.

Исторический парадокс, не получивший до сей поры исчерпывающего объяснения, состоит в том, что в реалиях советской системы награды и поощрения интеллигенции, в первую очередь ее элитарных слоев, казались вполне естественными. В массовом сознании пустил корни синдром эгалитаристской иерархии, согласно которому две категории населения имели права на особое положение. Первый такой слой — номенклатура (куда следует также отнести особо квалифицированных чиновников с тарификационной оплатой, правом продвижения по службе, персональными пенсиями и государственной сертификацией их знаний и компетентности). Общинный комплекс удерживал рядового советского человека от того, чтобы сравнивать свое положение с привилегиями "начальников". Разделение на управляющих и управляемых казалось если не вечным, то имеющим оправдание. Второй слой — академики, музыканты, писатели, артисты — звезды отечественной науки и культуры. Несомненно, что многих представителей этого "звездного мира" отличали высокие творческие достижения, которые опирались на их особый экзистенциальный опыт и окутывали научную и творческую элиту особой аурой — тем более притягательной, чем более недоступной представлялась сознанию рядового человека жизнь советских элит. Мы даже имеем право говорить об особой амбивалентности отношения рядовой публики. Высокое социальное положение лауреатов, академиков, университетской профессуры ценилось пропорционально весу государственного признания в форме зарплат, привилегий. Низкий статус научных сотрудников или учителей заставлял человека толпы воспринимать их как специфическую службу [9]. Массовое сознание само помещало научную и культурную элиту на полюса недоступности социально-культурного пространства и прощало ей "грех" благополучия, особо заметного на фоне весьма скромного и уравнительного существования основной массы населения.

В свое время Эрих Фромм заметил, что фундаментальный итог развития человека состоит в уменьшающейся детерминации его поведения инстинктами [10]. Принадлежность к элите становилась желанием. Но, вопреки Фромму, не столько разум, сколько инстинкт руководил человеком в его устремлении к объекту желания и привязанности. Люди, в своей массе ориентированные на достижение социальной однородности, разрешали элите быть носителем неоднородности, несмотря на то, что советский этос всегда дисгармонировал с поступками и жизнью неординарных людей. В свою очередь, высокий престиж элит в глазах людской массы был своеобразным транквилизатором их группового сознания, ибо выступал как выражение "всенародной" поддержки чувства избранности.

В статье "Спор о постмодернизме" З.Бауман пишет об одном экспериментальном способе измерения консерватизма-радикализма. Изготавливались двадцать рисунков, первый изображал пса, двадцатый — кота. На остальных пес постепенно утрачивал свои генетические черты, неуклонно приближаясь к коту. Рисунки предъявляли испытуемому, отмечая меру его упорства, фиксируя момент, когда он начинал колебаться и приходит к мысли, что пес наконец-то начинал превращаться в кота [11]. Полагаю, что эта аналогия

может служить базой для оценки того, что же на самом деле происходит с образованными слоями современного российского общества, внутри которых идет конверсия интеллигенции в интеллектуалов. Правда, чтобы эта конверсия состоялась, необходимы соответствующие условия [3, с.213]. Возможность обрести полноценный статус интеллектуала связывается, во-первых, с высокими гарантиями юридической независимости от государства; во-вторых, эта независимость должна подкрепляться надлежащей оплатой интеллектуального труда и опираться на его высокий престиж в обществе; третье условие — профессионализм и отказ от чисто просветительских или воспитательных функций по отношению к "незрелому" народу. Последнее условие требует, чтобы общество в своей основе стало ориентироваться на индивидуальную ответственность.

Выше мы отмечали, что, становясь на сторону угнетаемого народа, интеллигенты не избежали соблазнов власти. "Хождение во власть" не было лишено альтруизма, оно опиралось на убеждение, что их отказ от власти или соучастия во властных функциях может открыть путь людям недостойным. Однако чаще оказывалось, что пребывание "наверху" становилось средством удовлетворения собственных амбиций и потребностей.

Пытаясь ответить на вопрос о причинах "заболевания" властью, мы не сумеем обойтись без анализа общекультурных факторов. Едва ли не всякая проблема, над которой ломает голову современное российское общество, является прежде всего проблемой культуры и ее дефицита. Именно этим обстоятельством можно и нужно объяснить рецидивы национализма и шовинизма, странности поведения руководителей страны, общую политическую "вялость" народа и низкий уровень его когнитивной мобилизации, рост преступности, алчность "новых русских", рецидивы авторитаризма. В какой степени этот едва ли не всеобщий дефицит культуры (политической прежде всего) преодолевается российскими интеллектуалами?

Одним из следствий политического плюрализма стало "расщепление" интеллектуалов и элит. Их монолитность, представлявшаяся столь привычной в "эпоху интеллигенции", оказалась утраченной в наше время. На возможность такого "расщепления" указывал еще Антонио Грамши. В своих работах он писал, что традиционная элита, которую всегда воспринимали как единую, может утратить это единство. Ее заменят элиты, принадлежащие каждому отдельному социально значимому слою, для которого своя элита будет более близкой по характеру выражаемых ею интересов, чем традиционная. Грамши наметил возможные деления для отколовшихся элит: буржуазная, пролетарская, аграрная, элита данной национальной или этнокультурной группы и т.д. [12]. Им было присвоено название элит органических (повторимся — для данного социального слоя).

Трещины в монолите и образование органических элит, кажется, не противоречат диверсификации общественной жизни. Можно даже с оптимизмом заключить: единообразие приходит конец, а социальная структура утрачивает былые однообразие и монотонность, становясь более сложной. С другой стороны, все заметнее становится противостояние этих элит, давая основания думать, что общество может оказаться на грани гражданской войны. В данном случае наносится урон молодой российской демократии, которая лишается опоры для своего развития, поскольку ферменты демократического развития — образованная часть общества, люди интеллектуальных профессий, интеллигенция — оказываются принудительно расселенными по политическим квартирам и, как следствие, вовлеченными в отстаивание интересов тех слоев, чью сторону они приняли под влиянием растущей диверсификации. Подготовка к декабрьским (1995) выборам, оформление избирательных списков и блоков показали, какое огромное число всевозможных партий уже существует в стране. Искусственное море многопартийности, созданное стараниями прежде всего российских интеллектуалов, вовсе не свидетельствует о развитости партийной системы. Помимо того, что большая часть этого списка состоит из фиктивных партий с названиями, обещающими расцвет

демократии, бросается в глаза неадекватное восприятие многими партиями своего лидерства, усиливаются кризисы и скандалы, растет политическое ожесточение.

В конечном счете, вождельный политический плюрализм только тогда является общественным благом, когда он следует определенным социально-культурным нормам и не ведет к политическому и иному насилию. Нынешнее размежевание партий и движений говорит о размежевании политических субкультур в рамках не устоявшейся политической культуры России. Основной конфликт имеет место между демократическими и национал-патриотическими позициями. Противостояние оказывается настолько сильным, что устраняет почву для объединения даже части ценностей. Деление на "своих" и "чужих", "носителей истины и добра" и "носителей зла", повышенная эмоциональность, негативное отношение к институтам власти, если они контролируются оппонентами, использование бранной лексики и инвектив взамен логически убедительной аргументации, выпады против оппонентов и даже публичные пощечины — вот показатели растущей политической конфликтности. Существенно, что в этом процессе полноправно участвуют интеллектуалы, переводя политические и иные разногласия в проявления личных антипатий, доходя при этом до выражения ненависти.

Политический страх если и не исчез полностью, то все же уходит в прошлое. Однако на смену страху приходит "бесстрашие" перед законом и нормами социальной жизни. Субъективно дозволенное устремляется вверх, оставляя далеко внизу ограничения, устанавливаемые законодательством. Игра без опоры на общепринятые правила, без рациональных компромиссов, без внутреннего желания достичь консенсуса — надежный индикатор отсутствия развитой культуры и дефицита нравственности.

Здесь предстоит вновь вернуться к профессионализму как важнейшему принципу и атрибуту демократического общества. Отсутствие профессионального опыта обрекло на поражение путч 1991 года. Та же причина повлияла на скорость демократического обновления России после победы над заговорщиками-путчистами. Общество в лице своих институтов не сумело обеспечить цивилизованную реализацию индивидуальной свободы. Оно по-прежнему устами интеллектуалов ностальгически подчеркивает важность коллективных качеств, проявляя тем самым заботу о том, чтобы сохранялась посредственность и не стимулировались личные достижения, личная ответственность.

Гласность, плюрализм, многопартийность и возникновение "прямого эфира" изменили поведение коммуникаторов [12, с.76-78]. Кухня московской квартиры (символ пространства, в рамках которого осуществлялся диалог диссидентов-единомышленников) ушла в прошлое. Возникло совсем иное пространство для самовыражения, равно как изменился характер коммуникации. Если кухонный монолог опирался на идею убеждающей и человекоцентричной коммуникации, то при прямом эфире на передний план вышли громкое слово и амбициозность. "Кухню" отличало единомыслие, а прямой эфир превратился в поле политических страстей и борений, далеких от того, что в цивилизованных условиях принято считать проявлением здравого смысла. Еще одна черта: каждый теперь ощутил, что у него появился слушатель или зритель, который не разделяет его точку зрения, но это не сделало современного оратора-интеллектуала чувствительным к реальной структуре аудитории.

Здесь настало время поделиться одним наблюдением, относящимся к эпохе гласности и перестройки. Едва в этих необычных общественных условиях обозначились открыто конфликтующие политические интересы, как пресса, радио и телевидение стали утрачивать признаки "проклюнувшегося" демократизма и объективности. Под влиянием этих конфликтов снова, как в советские времена, начались тщательное редактирование и свертывание реальности и одновременно поиск аудитории, которая смотрела бы на реальность глазами редакции. К примеру, читатель, чьи взгляды отличаются от позиции газеты, редакцию интересуется мало ("Пусть ищет свою газету!"). Налицо политический эгоизм и антидемократизм, которому в разных ипостасях — редакторов, журналистов, комментаторов — активно содействуют интеллектуалы. Говоря иначе, массовая

коммуникация теперь не отличается завидным инакомыслием. Аудитория и различные каналы массовой коммуникации делятся на "наших" и "не-наших". В каждом таком случае аудитория и канал образуют надежный тандем защитников "своей" позиции как единственно правильной. Отсюда, как показывает опыт последних лет, рукой подать до ситуации, когда тандем начинает поддерживать только "друзей" и приступает к активному сведению счетов с "врагами".

Историческое время интеллигенции сочтено. Рано или поздно она должна будет вернуться к своим корням — образованным слоям российского общества. В правовом и "социально неоднородном государстве" ее место займут образованные люди, занятые профессиональной деятельностью. Здесь общество, а не всевластное государство, будет первичным, и потому потребность в особой государственной необходимости интеллигенции отпадет. Вряд ли стоит драматизировать "закат традиционной модели русской интеллигенции". Возрастание роли профессионалов свидетельствует о возвращении к нормам и правилам современного развития [13]. Субъектом исторического действия становятся интеллектуалы. Другое дело, что и сами интеллектуалы переживают переходный период, с надеждой ожидая благоприятных условий для того, чтобы стать значимыми субъектами социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Г. Феномен русской интеллигенции // Грани. № 154. С.212.
2. Давыдов Ю.Н. Уточнение понятия "интеллигенция" // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С.244.
3. Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С.209.
4. Кордонский С.Г. Интеллигент на randevу // Век XX и мир. 1995. № 1. С.87.
5. Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: 1993. С.157-158.
6. Солженицын АМ. Образованщина // Новый мир. 1991. № 6. С.43.
7. Кирилов С. О судьбах "образованного сословия" в России // Новый мир. 1995. № 8. С.143.
8. Захаров А. Демократическая оппозиция в процессе создания Российской Академии наук // Рубежи. 1995. № 1. С.112.
9. Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3-4. С.217.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Человек. 1993. № 1. С.104.
11. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С.69.
12. Раскол интеллигенции? (Материалы семинара "Интеллигенция в условиях кризиса") // Человек. 1995. № 2. С.80.
13. Тамаш П. О современной роли интеллигенции // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С.240.